

К 80-летию Николаса ГИЛЬЕНА

Анхель АУХЬЕР, секретарь Союза писателей и деятелей культуры Кубы

В РИТМЕ ВЕКА У ПОЛКИ С ЕГО КНИГАМИ

КОГДА не так давно мою квартиру в Восточной Гаване посетил корреспондент «Литературной газеты», я подвел гостя к одному из шкафов моей библиотеки, где у меня собраны все книги Николаса. Но только я собрался продемонстрировать их моему гостю, как он оставил меня.

упорной борьбе — на политическом, журналистском, литературном поприщах... Позволю себе рассказать еще об одном курьезном, а точнее — печальном случае, Гильен, живший на скромное жалование репортера, заказал книгу типографии «Укар, Гарсия и компания», которая печатала его предыдущий сборник, но, увы, денег хватало, чтобы выкупить лишь несколько экземпляров — почти весь тираж так и остался у владельцев типографии.

В МАРТЕ 1935 года после неудачи всеобщей стачки, организованной кубинскими профсоюзами, была закрыта газета «Палабра» — полуофициальный орган компартии. Необходимость в новом легальном издании (основной партийный орган — «Бандера roja») выдвинула в подполье побудила нас основать еженедельник «Ресумен». Мне, заведовавшему редакцией, удалось привлечь Гильена к нашей работе в качестве редактора. Хотя из-за жестких репрессий еженедельник скоро прекратил свое существование, с этого времени Гильен навсегда остался связан с делами партии.

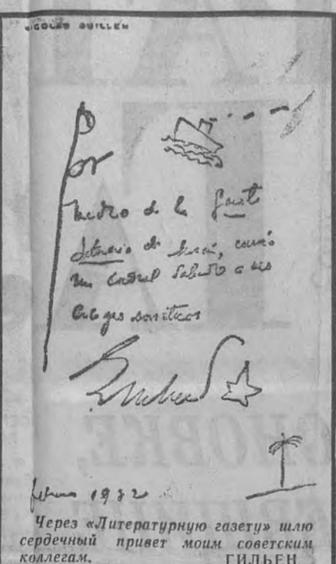
Обратите внимание на это красивое издание — обложку и иллюстрацию нарисовал великий мексиканский художник Хосе Чавес Мораво. Книга Гильена «Песни для солдат и соны для туристов» была напечатана в Мехико, куда поэт отправился на конгресс Мексиканской лиги революционных писателей и художников, но, потеряв возможность вернуться на Кубу, начал жизнь политического эмигранта.

Название книги состоит из двух частей, перекликающихся с двумя сторонами кубинской действительности того времени: «Песни для солдат» — обращены к классовому сознанию тех кубинцев — рабочих и крестьян по происхождению, которые поставили под ружье военный диктаторский режим. Они зовут их занять сторону угнетенных, сражаться против угнетателей. Что же касается «сонов для туристов», то Гильен использует уже известную нам ритмику, чтобы показать вопиющий контраст между нищетой и безработицей, от которых страдают кубинцы, и мотовством и роскошью, в которой купаются туристы-янки.

А это два разных издания одной и той же книги под названием «Испания (Поэма четырех скорбей и голоса надежды)». Она была написана в 1937 году в Испании, куда Гильен отправился из Мексики. Поэт стал очевидцем и летописцем героической обороны Испанской республики. Книга была издана в Мехико и в том же году в Испании, в разгар гражданской войны.

Гильен возвратился в 1938 году на Кубу убежденным коммунистом, вступил в компартию, и сразу же включился в революционную борьбу. Активная политическая деятельность вовсе не мешает Гильену продолжать писать стихи.

В начале 1945 года Гильен отправляется по приглашению венесуэльского писателя Мигеля Отеро Сильвы, возглавлявшего газету «Насьональ», в Каррасас с чтением лекций. Оттуда он едет в Колумбию, затем

Через «Литературную газету» шлю сердечный привет моим советским коллегам. ГИЛЬЕН

ГАВАНА, Николасу ГИЛЬЕНУ

Дорогой товарищ Гильен! Примите самые искренние, сердечные поздравления по случаю Вашего восьмидесятилетия.

ДАЛЕКОЕ утро, которым наша «Санта Лусия» подошла к гаванскому Малекону, запечатлелось в моей памяти таким же, каким запомнил свое прибытие в Гавану Владимир Маяковский, в том же месяце, но тридцатью годами раньше ступивший на эту землю.

Мы приплыли на Кубу из далекой южной страны — Чили, которую Габриэла Мистраль назвала «холодным тропиком». Гаванский зной, подобно пантере, свергает нас в оцепенение. Середина июля 1938 года — самый разгар лета. Лучезарный остров — «длинная зеленая ящерка» — кажется фантазией природы... Наша делегация направляется в Нью-Йорк на конференцию молодежи в защиту мира. Мы живем в «Золотом веке» без гроша за душой. Нас притягивает к себе Куба, где Революционность и Поэзия существуют как единое целое. В Гаване

Володя ТЕЙТЕЛЬБОЙМ, чилийский писатель

НАСТОЯЩИЕ ПОЭТЫ НЕ СТАРЕЮТ

находим адрес редакции журнала «Медиодиа», издающегося писателями-марксистами. Здесь то и происходит знакомство с Николасом Гильеном. Он уже достаточно известен в Латинской Америке. Его стихотворение «Моя родина кажется сахарной» многие знают наизусть.

В нашу первую встречу Гильен с увлечением говорил с нами... о типологии, о печатном деле — сам он вырос среди печатных станков. Журнал «Медиодиа», по его словам, несет глубоко гуманную общественную функцию. Говорит Гильен с улыбкой, стараясь, чтобы слова его не звучали напыщенно.

Он берет на себя роль нашего гида и раскрывает перед нами тайны старой Гаваны. Мы задерживаемся на площади у Кафедрального собора, слушаем рассказ Гильена об истории города, о борьбе кубинцев за независимость. Сам Гильен родился в год установления «половинчатой республики», когда Куба избавилась от гнета Испании, но котлы американского орла крепко впились в ее тело.

Наш корабль отходит в полночь. Протяжно воеет сирена. Хором, чтобы нас услышали оставшиеся на пристани товарищи, мы кричим им с палубы «До свидания!»

Н АША новая встреча с Гильеном состоялась восемь лет спустя, на этот раз в Сантьяго-де-Чили. Уже стали обычными путешествия по воздуху. Николас совершает поездку по Южной Америке.

Николас делится своими впечатлениями о встрече с советской страной, ее народом. Его живой рассказ перемежается шутками, меткими замечаниями, наблюдениями. Не достопримечательности интересуют его прежде всего в странах, городах, людях, а их душа — поэзия, фантазия.

О СЕНЬ 1977 года. Гаванский дворец Революции. Барabanная дробь. Звучит чеканя шаг, солдаты вносят в зал знамя... Эти почести — поэту, величайшему поэту современной Кубы, Фидель прикреплает к груди Гильена орден Хосе Марти.

Каждый раз, приезжая на послереволюционную Кубу, я думаю о том, как разительно изменилась она с тех пор, как я посетил ее впервые. Я отправляюсь к Гильену в Союз писателей и деятелей культуры Кубы, председателем которого он является.

Николас ведет меня в кабачок «Бодегата дель Медидо». Звенят бокалы, в которых целый плавающий гербарий. Здесь всем обречен с ароматной травой полей.

Как и более четырех десятилетий назад, мы идем на Кафедральную площадь, заходим в Музей генералов-капитанов, в котором представлена история Гаваны XVI—XVIII веков. Многие узнают его, обнимают, зовут попросту — Николасом.

А несколько недель спустя Гильен выступает на празднике в честь 29-й годовщины Октября в столичном парке «Форесталь». Вскоре он едет на север, потом на юг Чили. Под впечатлением увиденного пишет «Три чилийские песни».

Он приехал в нашу страну на двадцать дней, а остался на пять месяцев. На торжественных проводах Гильена Пабло Неруда сказал: «Я понимаю, что Николасу Гильену очень не хочется расставаться с Чили, но еще сильнее его тянет на Кубу. Куба — это островок земли, окруженный морем и поэзией Николаса Гильена. А Гильен — главная, неотъемлемая, жаркая часть этого антильского мира ари-

стического мира, давшего нам этот отважный и танцующий, воинственный и смеющийся народ, который столько раз поражал наш век...»

Во второй раз Гильен приехал в Чили семь лет спустя на Конгресс деятелей латиноамериканской культуры. Переполненные залы театров рукоплещут сменяющим друг друга на сцене Диего Ривера, Пабло Неруде, Жоржи Амаду. Гильен прекрасно справляется со своей ролью кумира публики. А в любую свободную минуту отправляется бродить по улицам города.

Вскоре мы встретились в Москве на Втором съезде советских писателей. Один из дней особенно памятен — в Колонном зале Дома союзов Гильену была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Вечером в кругу друзей мы отметили это событие в ресторане отеля «Националь», а в три часа ночи вместе с Гильеном, Жоржи Амаду и очаровательной переводчицей ехали на московское радио.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Николас ГИЛЬЕН

По этой красной стихии люди плывут неустанно в своих телах, будто в лодках, где темла, где тело устремлено к солнцу... Ты, кому надоели тех, как плывут другие, всеобщее это море — опустошенное, бескровное — на берег выбросит вскоре... Вот уж горькое горе! 1944

В Каматуэй... В Каматуэй спешу опять, чтобы обнять родное детство — здесь я рос, здесь грезится мне запах роз, которые давным-давно увяли. Все ближе, ближе облака издалека: они мой свет земной затмят, светлый смех ребят, я рад, что им оставлю эти дали.

На японский лад В озере спит луна, ветерок прощуршал — расколослась она на миллион зеркала! Вышел петух из сарая, красный весь и надутый. Копия самурая. 1981

Танец-конга Держит многое жизнь в секрете, но не вечны секреты эти.

этом почетном списке — Куба Гильена. Твоя Куба. Ты — поэт и в то же время поэт всей планеты и века. И в этом веке, на этой земле в сердцах миллионов людей — твой поэтический след. Не так давно в Испании, где мне довелось быть, о тебе восторженно говорил Рафаэль Альберти. В этой стране ты знаменит не только тем, что твоя прекрасная поэзия говорит на том же языке, но и стихами о мужестве защитников Испанской республики, о солидарности с ними. Ты поэт Мужества. Ты всегда там, где больше событий и потрясения — по зову

жил народу и подчинил ему свою жизнь и поэзию. А для этого нужно иметь народную душу. И вот за это мы тебя особенно любим. Революционный дух Кубы мне подарил Фидель и Че Гевара: а ты подарил мне поэтическую душу твоего народа. Она прекрасна, как прекрасны кубинские женщины.

Поэт обязан защищать родную землю, прекрасных женщин и границу правды, которая проходит сегодня через все земли и страны.

Я видел, как на Кубу люди бросают в морские волны венки из цветов — в память о погибших героях. Это впечатляет. Но венки из цветов все равно увянут. Таков уж закон природы. Брошенные же тобой в Карибское море венки поэзии — в память о погибших борцах и в надежде на рождение будущих борцов — не увянут никогда. У себя в Дагестане я вижу, как они плывут по волнам Каспийского моря.

Дорогой Николас, в нашей стране тебя очень многие и давно любят. Тебя переводили лучшие поэты (правда, они не вполне довольны — говорят, что в оригинале твои стихи лучше). Когда тебе исполни-

лось 60, я смог обнять тебя на твоей родной Кубе, я подарил тебе наш кавказский рог — тот, кто пьет из него вино, живет долго-долго. Девять лет спустя через московское телевидение я послал тебе поздравление с 70-летием. И я рад сегодня приветствовать тебя со страниц «Литературной газеты», поздравляя с новым юбилеем. Я хочу, дорогой друг, чтобы ты берег себя для всего человечества. А твою поэзию сама себя бережет, потому что настоящая поэзия бессмертна.

Расул ГАМЗАТОВ

ПИСЬМО ДРУГУ

Дорогой Николас Гильен! В эти июльские дни на берегу Каспийского моря, у подножия дагестанских гор, я вспоминаю Карибское море и вижу тебя, высокая вершина испаноязычной поэзии. Величие Фиделя в кубинской революции я бы сравнил с твоим величием в поэзии Кубы. Я не могу гордиться тем, что часто и подолгу тебя видел. Но ты настолько значителен как личность и как поэт, что достаточно тебя раз увидеть, чтобы запомнить на всю жизнь. Мы встретились впервые около трех десятилетий назад — кубинская революция была еще впереди — на Втором съезде советских писателей. Ты, конечно, меня не запомнил — я был начинающим поэтом, чьи стихи впервые тогда отметили. Но тебя, все-

мирно известного поэта, не запомнить было невозможно. Мне в душу запала твоя прекрасная песня о «сахарной стране», которую я узнал в переводе Эренбурга: «Моя родина кажется сахарной, но сколько горечи в ней! Моя родина кажется сахарной, она из зеленого бархата, но солнце из желчи над ней...»

В ту первую встречу, на приеме в московской гостинице «Националь» ты провозгласил тот же землю Поэзии, за нашу общую поэтическую родину. Ты прав: у каждого поэта две родины — та, где он родился, что досталась ему в наследство, и вторая, приобретенная — Поэзия. Она простирается на весь мир. На этой родине ты — мой великий земляк, которым я горжусь. Планетарный сын Кубы и мировой поэзии одновременно.